

Макаренко, какого мы никогда не знали, или Куда реформировать школу*

* Продолжение. Начало см. №5, 2002.

Валентин КУМАРИН, профессор

Так вот где таится погибель «научных дидактов»!

Со времён Коменского все знают, что организационным каркасом *обучения* служат школьные классы. Если их убрать, обучение тут же рухнет. Развалится, как под ударом спитакского землетрясения. У воспитания, а точнее «*собственно воспитания*», каркас *другой*. И если его нет, то *нет* и воспитания. Этот каркас Макаренко освободил от строительных лесов весной 1923 года. Сообразно с логикой «*собственно воспитания*», основанном на *поведенческом тренинге* (Локк и Ушинский), колония разделилась на десять *отрядов* (отряд свинаярей, отряд кузнецов, отряд сапожников, отряд конюхов и т.д.), которые сняли со «школьной работы», т.е. с учения всю «воспитательную нагрузку» и занялись «*собственно воспитанием*».

«*Собственно воспитание*» заработало сразу. В первое время командиров отряда назначал сам заведующий. Но вскоре сам собою образовался *совет командиров*, т.е. *правительство* колонии, без консультаций с которыми Антон Семёнович не принимал ни одного решения. Отбор кандидатов на командирскую должность, их обсуждение и утверждение перешли в руки колониального правительства. Принцип кооптации и строгий отбор обеспечили, с одной стороны, постоянный приток в «кабинет министров» свежей крови, а с другой — исключили возможность перерывов в его работе. Совет командиров функционировал без простоев и компетентно руководил всей жизнью колонии. Должность командира можно было занимать не больше шести месяцев. Это ли не верх *самоуправления и демократии*?

Чтобы исключить главный недостаток взрослого правительства, «парламент колонии», т.е. её *общее собрание*, установил правило: командиры и совет командиров не имеют никаких привилегий, «ничего не получают дополнительно», не освобождаются ни от каких текущих работ. Сравните с Госдумой — небо и земля!

В том же году, спустя пару месяцев, *воспитательный* (!) каркас колонии мощно укрепился *сводными отрядами*. Это были временные трудовые объединения, которые под руководством агронома колонии выполняли всевозможные задания на семидесяти десятинах колониальных сельскохозяйственных угодий. Сводные отряды в виду краткосрочности (1–2 недели) их существования создавались в большом количестве. Столько же требовалось и временных командиров. Изумительный по красоте и силе воздействия *технологический* приём: командиром сводного отряда мог назначаться каждый, кто мало-мальски способен руководить, но только не командир постоянного отряда, опытный и умелый вожак. Почему? Сейчас убедитесь, что я не перебрал, утверждая, что Макаренко был не только педагогическим классиком, но и гениальным социальным конструктором.

Из «Педагогической поэмы»: «Командир постоянного отряда отправился на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному командиром сводного отряда, часто члену *своего* же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь *зависимостей* в колонии, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать *над* коллективом отдельный колонист»¹. Какое простое, доступное и *неодолимое* препятствие для «культы личности», для «партийно-бюрократической номенклатуры»! Какая защита от «глотов» и «дедов»! Сколько свободы и воздуха для «маленького человека»!

¹ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1957. С. 203.

Из «Педагогической поэмы»: «Это усложнение (сводные отряды. — В.К.), собственно говоря, было *самым важным изобретением нашего коллектива* за все тринадцать лет нашей истории (включая начало истории коммуны имени Ф.Э. Дзержинского. — В.К.). Только оно позволило слиться нашим отрядам в *настоящий*, крепкий и единый коллектив, в котором

была рабочая и организаторская *демократия* общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовалось *командной касты*»².

² Там же. С. 200.

Сколько горячих речей («воспитывающее обучение»! — В.К.) произнёс Макаренко, убеждая своих питомцев, что в колонии они не залётные птицы (перезимовал и полетел дальше на подножке первого поезда), а хозяева, строители собственного будущего и будущего страны. Как от стенки горох. «Хозяева» лишь криво ухмылялись и продолжали своё: воровали, устраивали разборки, измывались над младшими и слабыми, а по ночам выходили с обрезками на Харьковский шлях и занимались настоящим разбоем. Но вот заработало «*собственно воспитание*». Включились «повторная практика» Локка, «поведенческий тренинг» Ушинского, «гимнастический зал» для выработки социально ценных *привычек* Макаренко и стрелка барометра с перегретым словесным паром поползла к нулевой отметке, а последняя глава первой части «Педагогической поэмы» получила шикарное название — «Начало фанфарного марша».

Однако музыка этого марша играла, как говорится, недолго. Убедившись, что заставить Макаренко отказаться от «командирской педагогики» ему не под силу, украинский Наркомпрос, точно как и «*в наше время*», потребовал от «мятежника» уйти из колонии. Антону Семёновичу удалось выговорить только одну уступку — разрешить ему принять своего шефа Горького не в харьковском ресторане, а «дома», т.е. в колонии, которая из Полтавы переехала в Куряж³.

³ Там же. Т.1. М., 1957. С. 630–635.

В конце 1928 года противники «командирской педагогики» наконец-то дожали возмутителя «олимпийского» спокойствия. Ещё в июле, зная о том, что его ждёт, Макаренко направил письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП Украины. В нём он, в который раз, коротко изложил свою концепцию, но на этот раз выставил ультиматум: «Всё перечисленное составляет предмет моей педагогической веры. Я уверен, что в колонии имени Горького осуществлён *настоящий* советский соцвос. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в *одной* детали, не рискуя делом.

Всё это заставляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы. Я понимаю, что в дальнейшем будет поставлен вопрос о снятии меня и в коммуне Дзержинского (уже год Антон Семёнович заведовал ею по совместительству. — В.К.), находящейся в таком же цветущем состоянии, как и колония Горького. Всё же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания»⁴.

⁴ Там же. Т. 7. М., 1958. С. 414.

Возможно, что при такой постановке вопроса Наркомпрос пошёл бы и на попятный (образцово-показательный Куряж и лучший заведующий), но у него на столе лежала бумага из Москвы. Центральное бюро коммунистического движения объявляло систему Макаренко «идеологически вредной» — точь-в-точь, как в случае с генетикой — и потому подлежащей разрушению: «Систему тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно»⁵. 3 сентября 1928 года Антон Семёнович получил уведомление: «уволен по собственному желанию».

⁵ См.: Морозова Н.А., А.С. Макаренко. Семинарий. Л., 1961. С. 98.

Измотанный многолетней борьбой с «превосходящими силами», Антон Семёнович с горечью пишет: «Педагогические писаки, так осудившие и наши отряды, и нашу военную игру («наигравшись»), питомцы Макаренко гордились настоящей военной службой ничуть не меньше, чем столбовые российские дворяне. — В.К.), просто *не способны* были понять, в чём дело»⁶. И вот тут я дерзко позволю себе не согласиться. «Писаки», особенно московские, во

всём отлично разобрались. Они разглядели, что своей демократией, — регулярная сменяемость командиров, невозможность образования «командной касты», «парламент» (Общее собрание), неограниченная свобода слова вплоть до критики заведующего, — Макаренко замахнулся на *гораздо большее*, чем марзматиическая педагогика украинского Наркомпроса. Этим *гораздо большим* была сталинская *контрреволюция*, которая уже заявила о себе отменной Ленинской НЭП и началом смертоубийственной коллективизации. Вот где была зарыта собака!

⁶ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1957. С. 198.

Чрезвычайно существенная деталь. В середине 1925 года до Макаренко дошёл благостный слух: в Запорожье, на острове Хортица Наркомпрос задумал открыть большую детскую колонию, планируя, что организационным ядром её станет блестяще отлаженный коллектив горьковцев, что заведовать ею будет Антон Семёнович. Слух был не случайным. Гениальный ленинский разворот от политики «военного коммунизма» в сторону рыночной экономики при руководящей роли советской власти, которую возглавлял сам Ленин, будучи Председателем Совнаркома, а не генсеком партии. А поскольку Макаренко с самого начала взял курс именно на эту политику и *уже* добился потрясающих успехов, то Наркомпрос просто не мог «не поступиться принципами» и не предложить своему лютому оппоненту возглавить эту инициативу, чтобы было чем отчитаться не только перед Киевом, но и перед Москвой.

«Процесс пошёл» сразу. Антон Семёнович и несколько колонистов немедленно отправились в Запорожье, провели всестороннее обследование и вернулись с твёрдым решением: переезжать и как можно скорее. Через пару месяцев был готов и детальный план переезда. Предусматривалось, что на новом месте колония имени Горького станет мощным мясо-молочным и птицеводческим хозяйством с правом экспорта своей продукции (мясо, масло, куриные яйца) в зарубежные страны (прежде всего почему-то в Англию). Наркомпрос утвердил смету расходов, благословил Макаренко на новый капиталистический подвиг, договорился с железной дорогой о нужном количестве вагонов. И вдруг всё рухнуло. Наверху сослались на то, что банк отказал в кредите и вместо Запорожья, которое горьковцы считали уже своим, Полтавская колония «загрелась» в Куряж⁷.

⁷ Там же. С. 385–414.

Конечно, причина была не в кредите. Окрылённый победой на XIII съезде партии, Сталин тут же начал демонтировать НЭП. Сначала спускал на тормозах, а вскоре бесцеремонно сорвал стоп-кран и объявил, что НЭП, которую Ленин вводил «всерьёз и надолго», исчерпала себя, что на смену ей полным ходом идут коллективизация и индустриализация.

Но тогда, в середине 20-х, ещё жива была «старая гвардия», которая не могла представить, с люмпеном какого масштаба она имеет дело. Не расслышал первого сталинского звонка и Антон Семёнович.

Чересчур идейные украинские чекисты-ленинцы, возглавляемые Всеволодом Аполонovichем Болицким (1892–1937) тоже не расслышали. Поэтому они тут же предоставили наркомпросовскому изгою шикарное убежище в только что построенной, но пока пустовавшей коммуне имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, чем Макаренко сразу воспользовался, прихватив из Куряжа («для развода») пятьдесят колонистов и десять колонисток.

В коммуне тоже стояли «пустые коробки», но совсем не такие, как в колонии имени Горького, — всё с иголочки: роскошный главный корпус с двумя башнями на фасаде (отсюда и «Флаги на башнях»), парадная лестница, зеркальный паркет, душевые кабины, просторные светлые спальни, новенькая мебель и даже цветники на английский манер вдоль широкой дорожки, ведущей к главному входу (и это называют «другими условиями!»). Для учёния и сна было всё. Но для труда, который является первой составной «собственно воспитанья», было «голое место».

В колонии Макаренко повезло с классным агрономом Шере (прототип — Николай Эдуардович Фере, украинский немец), а в коммуне ему подфартило на Соломона Борисовича

Когана, одного из последних мастодонтов НЭП. Добродушный и даже сентиментальный в общении, он становился неузнаваемым, когда начинал работать. В Америке он не был, но главный его принцип был явно заокеанского происхождения: «Когда человек получает жалование, так у него появляется столько идей, что их некуда девать. А когда у него нет денег, так у него одна идея: у кого бы занять?»⁸

⁸ Там же. С. 627.

После недолгих колебаний Антон Семёнович согласился на «сделку с дьяволом» и — какое идейное святотатство! — живой памятник великому чекисту сделался «крышей» для капитализма! На коммунарский счёт в банке словно с неба посыпались тысячные кредиты... под ничего: Соломон Борисович очень хорошо изучил уязвимые места плановой экономики и быстро нашёл в них зияющие дыры для частного предпринимательства. 7 января 1932 года коммунарский завод выпустил первую партию электросверлилок (по австрийской лицензии), а 28 декабря того же года — первую партию фотоаппаратов «ФЭД» (по германской лицензии).

Коммуна, как когда-то колония, обзавелась собственным хозяйством, но на сей раз не сельским, а промышленным. Коммунары работали по 4 часа в день. Их труд приносил государству 5 млн рублей чистой прибыли, а самой коммуне обеспечил самокупаемость и полную независимость от бюджета. Казалось бы, в этих условиях *производственному принципу* в организации *отрядов*, какие были в колонии, открылся карт-бланш. Но что же мы читаем? «В коммуне имени Ф.Э. Дзержинского *первичные коллективы* организованы по *принципу объединения разных возрастов* (т.е. независимо от логики производства. — В.К.).

Такая организация даёт большой воспитательный эффект — она создаёт более тесное взаимодействие возрастов и является *естественным* (т.е. *природосообразным*. — В.К.) условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений, младшие получают разнообразные сведения, усваивают *привычки поведения*, рабочую хватку, приучаются *уважать старших* и их авторитет. У старших *забота* о младших и *ответственность* за них воспитывает качества, необходимые советскому гражданину: *внимание к человеку, великодушие* и *требовательность*, наконец, качества будущего *семьянина* и многие другие»⁹. Очевидный и категорический отказ от производственного принципа!

⁹ Там же. Т. 5. С. 11.

Разумное объяснение напрашивается само собой: дело не в лошадях и свиньях, не в сверлилках и ФЭДах, а в чём-то другом. В чём же? А в том, о чём Макаренко говорил всегда: труд, даже производительный, т.е. с нормальной зарплатой, возможностью приобрести квалификацию по способностям, с азартом стремления к безупречному качеству и высокой производительности, проявляет себя как фактор «*собственно воспитания*», *только и одновременно* с организацией *коллектива*, который Макаренко конструировал как модель наиболее *природосообразного* «большого» *социума*. Того самого, к которому с помощью НЭП стремился Ленин. Попробуем и мы разобраться в этой модели.

В первичном коллективе — разновозрастном отряде от семи до пятнадцати человек. Эту норму Макаренко вывел *эмпирически* в течение *десяти* лет. Наблюдения он начал ещё в колонии имени Горького. Глубочайший смысл установленной им «цифири» Антон Семёнович разъясняет в своей манере, т.е. словами с глубоким, но понятным смыслом (в отличие от нынешних «инноваторов»), которые заворачивают своё шарлатанство в такую упаковку, что и чертям становится тошно, — «парк методических средств», «вектор мысли», «индивидуально-образовательная траектория», «человеческие практики», «предметно-проблемное поле» и подобные мутанты): «Первичный коллектив, то есть коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, образования, не может быть *меньше 7* и *больше 15* человек. Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я *только знаю*, что если первичный коллектив *меньше 7* человек, он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу друзей и приятелей»¹⁰.

¹⁰ Там же. С. 256.

И дальше: «Первичный коллектив больше 15 человек всегда стремится к разделению на два коллектива, всегда есть линия разделения»¹¹.

¹¹ Там же.

Чтобы понять до конца масштабность этого открытия, необходимо различать «*управление*» и «*управляемость*». Управлять можно лишь тем, что поддается управлению, т.е. обладает *управляемостью*. Увеличьте количество солдат в отделении на два человека и командир отделения взвоет белугой. Об этом знали и Александр Македонский, и Цезарь, и Ганнибал. Не знают только «научные психологи». Класс в *качестве первичного коллектива* совершенно неуправляем, а вот разновозрастный отряд, изобретённый Макаренко, как раз то, без чего об «*управляемости*», а стало быть, и о «*собственно воспитании*» не может быть речи: «воспитательный процесс» расплзается, как кисель без тарелки.

Педагогические академики-«инноваторы», «творчески развивая учение Макаренко», уже «доказали», что в школе тоже есть «первичные коллективы» и поэтому незачем городить огород, выдумывать какую-то *управляемость* и какое-то «*собственно воспитание*». «Доказали» просто: выдрали из системы Макаренко термин «первичный коллектив» и, ничтоже сумняшеся, прищёпнули его, как модную наклейку, на сугубо учебное объединение детей, на класс. Приём тот же, что в случае с кошкой, под «портретом» которой написали, что это не кошка, а лев.

Такие «инноваторы» кишмя кишели и во времена Макаренко. Он их деликатно вразумлял: «Класс объединяет детей в повседневной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от *общего коллектива* в границах отдельных *классных интересов*»¹².

¹² Там же. С. 164.

В том же абзаце: «такой первичный коллектив, объединённый в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива. В *таких* случаях первичный коллектив *теряет свою ценность* как первичный коллектив и становится *поглощающим* интереса общего коллектива, и *переход* к интересам общего коллектива оказывается затруднённым»¹³.

¹³ Там же. С. 165.

По-моему, всё ясно, как на ладони: класс — это *такой* «первичный коллектив», который *фактически* первичным коллективом *не является* и *быть* им *не может*. Но на всякий случай попытаюсь сказать ещё проще с учётом того, что показал мой опыт применения теории Макаренко «*в наше время*»¹⁴. Главный его *воспитательный* недостаток — это количество детей, да к тому же *сверстников*. Оно многократно превышает норму управляемости и *естественно* приводит к тому, что класс распадается на группировки, в которых *клановые* интересы преобладают не только над интересами целой школы, но даже целого класса. Замыкаясь в таких группировках, обособляясь от интересов класса и школы, дети невидимо для педагогов и незаметно для себя ежедневно и ежечасно *упражняются* в *глухоте* к *коллективным* и дальше — *общественным* интересам, из чего и прорастают два самых страшных врага человеческого общежития: *социальная пассивность* и склонность к объединениям *мафиозного* типа. Оба эти врага — «близнецы-братья». Социальная пассивность поощряет мафиозность, а мафиозность неустанно подпитывает социальную пассивность. Кстати, мафия — это далеко не всегда торговля наркотиками или кровавые разборки. Много чаще она проявляется в более скрытых формах, в *кумовстве*, *круговой поруке*, во взаимном «*прощении*», в нравственных, политических, экономических *беззакониях*, которые как древесный червь подтачи-

вают *демократию* и превращают в труху *нравственную стойкость* народов.

¹⁴ См.: Кумарин В.В. Теория коллектива в трудах А.С. Макаренко и пути её эффективного применения в современной школе // Автореферат канд. дисс. М., 1968, а также: Кумарин В.В. Методологические проблемы теории воспитания в трудах А.С.Макаренко // Автореферат докт. дисс. М., 1988.

Другие эффекты собственно воспитания

Крутые перемены, в сравнении с колонией, произошли и в технике комплектования первичных коллективов. В колонии — где работаешь, там и отряд. В коммуне — совсем по-другому. Никакой вынужденности. Полная свобода взаимного выбора. К кому лежит душа, с тем и объединяйся. Просто, как всё гениальное, но с каким воспитательным «наваром»: «В общекоммунарском коллективе, рассказывает Макаренко, всегда оставались мальчики и девочки, с которыми никто не хотел объединяться. Не принятых в отряды приглашали на общее собрание. Здесь на глазах всех воспитанников и воспитателей А.С. Макаренко проводил одну из блестящих **собственно воспитательных** операций.

Он говорил: «Вот вам 15 человек. Никто не хочет их брать. Вот Земляной. Он просился в первый отряд, его не взяли. Хотел во второй — тоже отказались. Четырнадцатому, пятнадцатому отрядам он тоже не понравился. Что будем делать? — А почему первый отряд отказался? — спрашивал кто-нибудь из зала. — Пусть объяснят. Председатель первого отряда отвечал: — Если вы такие хорошие, берите сами. Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Вы хвастались, что сделаете с ним что-то. — Это был мой педагогический «хлеб», — пишет А.С. Макаренко. — Отряд, который не желает брать Земляного, тоже находится в трудном положении. Никаких обвинений не предъявляют, а просто отказываются. Земляной убеждает, клянётся, обещает всякие блага и подвиги. Выступают члены комсомольского бюро, командиры. Они предлагают поместить Земляного в тот или иной отряд. Но эти выступления не помогают. Тогда наступает заключительный акт мистерии. Вынужденные принимать решение, командиры начинают выбирать из пятнадцати «отвергнутых» наиболее сносно. Земляной становится приманкой. Он достаётся первому отряду, а коммунары говорят: — Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете¹⁵.

¹⁵ См.: Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. С. 167–168.

Организация первичных коллективов — разновозрастных отрядов по принципу «кто с кем хочет» — позволяла Антону Семёновичу чувствовать тончайшие оттенки отношений в коллективе, видеть истинные мотивы взаимных симпатий и антипатий, управлять настроением коллектива. Когда распределение по отрядам заканчивалось, он брал записную книжку и заносил в неё имена всех «нежеланных». С этого момента ничего не подозревающие мальчики и девочки становились объектом утончённого *собственно воспитательного* внимания.

Первичные коллективы в форме разновозрастных отрядов открывают полный простор для сверхэффективной *методики параллельного педагогического действия*. В лекции перед работниками Наркомпроса РСФСР Антон Семёнович так разъяснял сущность этого нового собственно воспитательного приёма: «Чтобы *ребёнок* чувствовал себя прежде всего *человеком*, мы с моими сотрудниками, педагогами пришли к убеждению, что *прикастаться* к личности¹⁶ нужно с особо *сложной* инструментровкой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

¹⁶ Понятие «личность» в лексиконе Макаренко — полный синоним понятия «человек».

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко. Я говорю:

- У тебя опоздание на заводе.
- Да. Петренко опоздал.
- Чтобы этого больше не было.
- Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я вызываю отряд.

— У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.

Я делаю замечание всему отряду. Они говорят, этого не будет.

— Можете идти.

Затем я слежу, что делается. Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему:

— Ты опоздал на завод, значит, наш отряд опаздывает.

Отряд будет предъявлять огромные требования Петренко как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива»¹⁷.

¹⁷ Там же. С. 170

Обратите внимание: не плохую отметку получил, а совершил нравственный проступок. Как говорят в Одессе — «две большие разницы». В обучении «параллельное педагогическое действие» смотрелось бы как седло на корове: если мало способностей, то требовать «отличную учёбу» не только бесполезно, бессмысленно, но и *преступно*. Уверен, что для кое-кого это будет открытием, но именно так заключал Макаренко: «Нельзя *насильно* заставить хорошо учиться; это может привести к трагическим последствиям»¹⁸.

¹⁸ Там же. С. 306.

В другом месте и вовсе как «*в наше время*»: «Погоня за отчётными данными приводит буквально к анекдотам. Вот я сегодня был в одной школе и застал там учителей в панике. Говорят: облоно принял обязательство добиться стопроцентной успеваемости, Гороно принял такое же обязательство, и наша школа, и наш класс обязались добиться стопроцентной успеваемости. А у нас сидит в IX классе ученик Балмесов, который не может получить других оценок, кроме «плохо». Это его специальность: он получает только «плохо». Ничего с ним не можем поделать, и не может быть стопроцентной успеваемости. Мы не можем выполнить данные обязательства и окажемся обманщиками перед всем советским обществом. Мы обязались, дети обязались. Дали обязательства, заранее зная, что есть Балмесов. Придёт такой момент, когда учитель скажет: «Да поставлю уже ему тройку». И все об этом будут знать, и Балмесов будет знать, и все ученики, и все ученики других классов. Но все будут думать: «Не обманешь — не продашь». Это и называется «стопроцентная успеваемость»! Говорят: для отчёта нужно. Я им и говорю: «Неправильно поступаете». — «А как же поступить?» — «Так должны поступить: не можем взять на себя таких обязательств, не можем выполнить».

Вам скажут, что это ссылка на объективные причины. Да нет, не объективные причины, а этот самый субъект Балмесов. Нужно пожалеть человека, пожалеть Балмесова. Больше «плохо» он получить не может.

Его насилуют, ему измочалили нервы, его ненавидят, потому что он мешает целому классу, он сделался отщепенцем коллектива, предметом ненависти учителей, учеников, родителей, предметом собственной ненависти к самому себе.

Какой смысл это имеет? Зачем вы держите его в IX классе, заведомо зная, что он программы не сможет освоить? Несите ответственность, не обманывайте ни учеников, ни себя»¹⁹.

¹⁹ Там же. С. 288–289.

Так что если бы Петренко вместо опоздания на завод получил «двойку», то отряд стал бы *не требовать*, а *помогать*, хлопотать перед учителем чтобы тот «переспросил» или вообще *освободил* от непонятого предмета. Но чтобы не опаздывал, не врал, не филонил — это вопросы *собственно воспитания*. И тут *необходимо* не только требовать, но и наказывать. Тренинг есть тренинг и уговорами его не заменишь. Кстати, право наказывать, ввиду его исключительной сложности и деликатности, всегда было в коммуне прерогативой заведующего и применялось крайне редко, да и то символически (5 часов ареста — это 5 часов чтения книги, сидя на диване в кабинете Антона Семёновича).

Но задержимся на страницу, а то и дольше, на позиции Макаренко в учебной работе школьника. Все разумные педагоги, я думаю, понимают, что тренингом, т.е. зубрёжкой тут не возьмёшь, а наказанием — тем более. Если *генетика* так распорядилась, что математика или другой предмет, а то и несколько предметов ребёнку не даются, то разумный, а стало быть, гуманный, человеческий выход один — от этих предметов ребёнка надо освободить, — что Макаренко и делал, — а взамен предложить другие — что он тоже делал, — не менее значимые вообще, но, безусловно, более важные для *данного конкретного* ученика. Ссылки на «социальный заказ» или на необходимость «общего развития» — застарелая глупость. Чем, например, высокопрофессиональный повар, кузнец или бизнесмен хуже любого математика или филолога? А если смотреть шире и глубже, то противопоставление учебных предметов есть не что иное, как откровенная дискриминация и недопустимое нарушение права ребёнка ходить в школу не для того, что так принято, а для того, чтобы в *реальном смысле* этих слов подготовиться к самостоятельной жизни. Подчёркиваю: не для того, чтобы 10–12 лет протирать штаны и конфликтовать с учителями и родителями из-за плохой отметки, не хулиганить на уроках от вынужденного безделья, — если начнёшь заниматься «делом», т.е. долбить «государственный образовательный стандарт», то и пупок развяжется, и неодолимо потянет на «травку», — а *исключительно* для того, чтобы заранее определить свою трудовую нишу, не растерять здоровье и закалить нравственность благородными поступками и таким образом (только таким, а не по книжкам!) заслужить аттестат гражданина (а не какой-то подозрительной «зрелости») России.

Всё остальное никуда не денется: ни классическая литература, ни театр, ни филармония, если без них жить неумоготу. А кроме того, есть и 5-я кнопка от самого Санкт-Петербурга. Нажимай и хоть купайся в рафинированной культуре. Но за школьной партой самое подходящее — «Маленький оборвыш», «Три мушкетёра», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», «Спартак», «Айвенго», «Белый клык», «Всадник без головы», «Последний из могикиан», «Дети капитана Гранта», «Отверженные»... Читательно, познавательно, «отвлекательно» от балдёжа.

Кажется, так *естественно*, так *понятно*, так *разумно*, что не о чем и спорить. Но ведь спорят. И как!

Только послушайте, что пишет Ольга Прохорова: «И если с младых ногтей не пичкать их (детей. — В.К.) *насильно* (!) хорошей литературой, они к *семи* годам, без сомнения, будут предпочитать чтению, требующему *душевных* и *мыслительных усилий*, комиксы и прочую *дребедень* вроде альбомов с наклейками про куклу Барби и Человека-паука»²⁰. Впечатляет?

²⁰ См.: Дайджест // Педагогический калейдоскоп. 1998. № 5 («Московские новости»).

Казалось бы, кто-кто, но учителя, даже ценой жизни, обязаны восстать и спасти *будущее России*, но они, воспитанные не по Ленину, Макаренко и Штирнеру, «не тряхнутся и не шелохнутся», а на своих съездах бурно аплодируют и восторженно скандируют: «одобрямс», «одобрямс», «одобрямс»!

Особенно это характерно для так называемых «учителей года». Дают показательные уроки *по своему* предмету (от детей требуют, конечно, знания «основы основ»), добровольно соглашаются на роль подсадных уток, которых ушлые чиновники используют для того, чтобы ткнуть носом в классную доску: дескать, глядите, как надо работать, учитесь и до вас дойдёт очередь, чтобы однажды стать «Учителем года». Но ведь это обман. Главная фигура в школе — это вовсе не учитель, даже если он «учитель года», Истинно главная фигура — ребёнок. Если эта фигура, спасая себя, отвергает «основу основ», то хоть самого Макаренко ставь в пример, *не поможет!*

И это вовсе не «мнение». Это *факт!* Я ведь тоже был и учителем, и воспитателем, правда, рядовым, и директором. Так что знаю, что говорю. Но как же вы, уважаемые «учителя года», умные, талантливые, честные, позволяете чиновникам использовать вас как ширму, чтобы скрыть *такой факт?*

Но вернёмся к «методике параллельного педагогического действия». «Мы не хотели,

чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания... Меньше всего я старался убедить *его* (а не *её!* — В.К.), что он только воспитанник, то есть явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На деле он для меня явление педагогическое»²¹. То же и с первичным коллективом. Ни один педагог не имел права «выпяливаться» воспитателем. На каждом шагу подчёркивалось, что воспитывает первичный коллектив, что от него зависит благополучие коммуны. Это и есть диалектика «*собственно воспитания*». Изящная, тонкая, природосообразная, а потому и гуманная!

²¹ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т.5. М., 1958. С. 170.

Совершенно естественно, что там, где во всю мощь и ширь развёрнуто «*собственно воспитание*», пусть не сразу, но очень скоро вызревает полнокровная демократия: «Мой коллектив был 500 человек. Там были дети от 8 до 18 лет, значит, ученики первых и десятых классов. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие более образованы, более производственно квалифицированы и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно. И наконец, они были просто дети. Тем не менее все эти 500 человек в последние годы моей работы составляли действительно единый коллектив. Я ни разу не позволил себе лишиться права голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным правящим органом», — пишет Макаренко²².

²² Там же. С. 124.

Вся жизнь коммуны имени Ф.Э. Дзержинского направлялась одним документом, который когда-то утвердило общее собрание, — «Конституцией страны «ФЭД». Внятно фиксируя основные обязанности «граждан», «конституция» гарантировала большие права. Вот для примера: «Каждый коммунар может возбудить на общем собрании (всегда детей и взрослых. — В.К.) любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не поставлено председателем (эту должность мог занимать только коммунар и в течение строго определённого времени — не более шести месяцев. — В.К.), передано совету командиров или другой организации»²³.

²³ Там же. Т. 2. М., 1957. С. 407.

Главному закону коллектива беспрекословно (законопослушность!) подчинялись все: дети, педагоги, заведующий. В одном из походов дежурным по коммуне был воспитатель Иван Петрович Городич. Он допустил какую-то ошибку. Антон Семёнович не знал, что дежурит воспитатель и как обычно распорядился:

— Пять часов ареста!

— Есть пять часов ареста! — по-коммунарски ответил Иван Петрович и отдал салют.

Антон Семёнович растерялся: до этого случая воспитателей так не наказывали. А Иван Петрович как ни в чём не бывало явился в походный «кабинет» и доложил, что, прибыл под арест. Заведующий попробовал отшутиться, но Иван Петрович не поддался искушению и честно отбыл под арестом все пять часов.

Когда арест кончился, Иван Петрович вышел на улицу. Там его дожидалась ребячья толпа. Воспитателя подхватили на руки и стали качать. Так всем понравилось, что педагог не стал спорить и подчинился, как подчинились все²⁴.

²⁴ Там же. Т. 4. М., 1957. С. 504.

Да что педагоги! Сколько раз Антон Семёнович сам «отдувался» на общем собрании. Случалось, что коммунар, которого Антон Семёнович сажал под «арест» в своём кабинете, очень быстро попадал под «амнистию». И вдруг на одном из собраний вносится законодательная поправка: Антон Семёнович имеет право наказывать, это его право, оно утверждено общим собранием. Но какое же это наказание, если заведующий скажет с размаху: под арест

на 10 часов, а через час отпускает? Это не по-коммунарски. Пусть Антон Семёнович сначала подумает, на сколько часов наказывать, а потом «сажает». А так получается, что он сам нарушает дисциплину и нас сбивает с толку.

Спикер, он же секретарь Совета командиров, ставит поправку на голосование и она, без обсуждения, принимается под аплодисменты.

А что же начальник? Стал возражать, спорить, чтобы не пропал авторитет? Ничего похожего! Он, как положено, поднялся со своего места (в зале!) и обратился к депутатам... с благодарностью: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что вы меня воспитываете»²⁵.

²⁵ Там же, Т. 5. М., 1958. С. 448.

Когда-то, очень давно, когда я только начинал «врубаться» в логику этого педагогического титана, мне тоже показалось, что это игра. Тонкая, но всё-таки режиссура. Как же я ошибался! Не было режиссуры и быть не могло, потому что дети и в *«те времена»* были чрезвычайно чутки на фальшь. А уж кто-кто, но Макаренко знал, чего будет стоить такая ошибка. Поэтому в таких случаях об игре не могло быть и речи: раскололи бы сразу и тогда прощай доверие, а вместе с ним и вся педагогика.

Или такой случай, который тоже показывает, как хорошо коммунары разбирались в сложнейших демократических процедурах, как верили в искренность «Антон» и как бескомпромиссно умели отстаивать свои права. Дело было в коммуне. Коммунара Иванова уличили в краже радиоприёмника. Общее собрание, экстренно созванное по этому ЧП, потребовало выгнать Иванова: буквально открыть дверь и «спустить с лестницы». Антон Семёнович стал доказывать и убеждать, что Иванова можно оставить в коммуне, что кража приёмника — случайный срыв. Тогда собрание постановляет: «Антон Семёнович, мы вас лишаем слова»²⁶.

²⁶ Там же. С. 142.

На другой день в коммуну приехали чекисты — члены правления, самые близкие коммунарам люди. Они тоже стали просить за Иванова, доказывать, что он исправится. Но парламент был неумолим, стоял на своём, невзирая на лица и чины.

— Тут не кража. Иванов был дежурным командиром. Мы доверили ему коммуну. Он председательствовал на общем собрании и призывал нас искать вора. Это не воровство. Иванов нахально пошёл против коллектива, соблазнился 70 рублями, которые Мозяк несколько месяцев копил на приёмник.

Чекисты и Антон Семёнович целый вечер уговаривали коммунаров отменить решение. Но собрание стояло на своём. В 12 часов ночи постановили: «Выгнать именно так, как постановили раньше, — открыть дверь и спустить с лестницы». Единственная уступка, на которую коммунары всё-таки согласились, состояла в том, что «спускать с лестницы» Иванова не стали, его взяли под стражу, а утром доставили в Харьков. «Конечно, — пишет Антон Семёнович, — потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания, — мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал»²⁷.

²⁷ Там же. С. 144.

А вот обычная процедура, которой мог бы позавидовать английский парламент. Антон Семёнович вносит в Совет командиров проект плана о летнем отпуске за 1930 год. В проекте предлагается Москва — столица, Исторический музей, Большой театр, Красная площадь, встречи с рабочими, артистами, писателями. Коммунарское «правительство» не соглашается и выдвигает собственный план — отдых в Крыму. Обычно «премьер» соглашается с «министерским» большинством, но в данном случае уступать невозможно: на Крым не хватает денег. «Министрам» предлагается компромиссная поправка: «В этом году — в Москву, а в

следующем — в Крым». Но «министры» упорствуют и поправка не проходит.

Согласно Конституции «премьер», если он не находит поддержки в «правительстве», может апеллировать к «парламенту», т.е. к Общему собранию. Но и там предложение заведующего, несмотря на жаркие дебаты, принимается с перевесом всего в три голоса. Такой перевес считается недостаточным и теперь уже Совет командиров требует, чтобы Общее собрание пересмотрело своё решение. Но Антону Семёновичу удаётся в результате «закулисных интриг» привлечь на свою сторону всю комсомольскую фракцию. В результате при повторном голосовании его поправка собирает две трети голосов. «Только тогда,— пишет Макаренко,— оппозиция успокоилась»²⁸.

²⁸ Там же. Т. 2. М., 1957. С. 84.

Почему в советской школе никогда не было самоуправления? Ответ «с места» уже готов: а кому оно было нужно? Сталину? Хрущёву? Брежневу? Ответ принимается. Но почему в сегодняшней школе, после того как коммунистический режим развалился, после того как школе никто не мешает, положение *то же самое*? Задумались. Это уже хорошо. Тогда позвольте высказаться вашему покорному слуге. Причина аж режет глаза. Потому что в школе как не было, так и нет «*собственно воспитания*».

Из кого в коммуне комплектовалось «правительство», т.е. Совет командиров? Из командиров разновозрастных отрядов? А кто такой командир? Самый старший, а стало быть, самый опытный и серьёзный человек. Нужен такому лидеру административный ресурс «Марьиванны», которым она сводит на нет все инициативы детей, парализует их как удав — кролика? Не нужен: командир отряда — *естественный* лидер. Может такой лидер управлять подразделением всего из 10 человек, в котором к тому же представлены все возрасты, начиная с первоклассника? Бесспорно: все «подчинённые» уступают ему опытом жизни, коммунарской выучкой. Может директор школы рассчитывать на такого помощника и через него, а не через учителя проводить свою воспитательную линию методом параллельного педагогического действия? Вне всякого сомнения: в отряде командира не только уважают, но и любят как старшего брата. Ему подчиняются, не преодолевая себя, потому что подчиняться тому, кто превосходит тебя опытом и культурой, даже лестно. Есть у командира не только формальное, но *естественное* право представлять интересы своего отряда в Совете командиров? Может он в своём отряде безусловно выполнять директивы Общего собрания? Праздные вопросы.

А из кого комплектуется учком (технология академиков АПН–РАО и Наробраза)? Из представителей классов! Может родиться и жить авторитет у лидера в кругу 40 сверстников? Никогда! Любой верзила поднесёт ему к носу кулак и тихо пригрозит: «Слушай сюда и не выступай!» Между прочим, именно поэтому, сколько бы мы ни писали и ни говорили о «старостах» и «председателях», без железной руки «Марьивановны» даже простого порядка в классе не дождаться. Эта *объективная, естественная* реальность, от которой без *собственно воспитания* никуда не денешься. Но это и есть не воображаемый, а совершенно реальный, ежедневно и ежечасно наблюдаемый авторитаризм в самой худшей его разновидности.

Несмотря на то что *собственно воспитательную* суть разновозрастных отрядов Макаренко буквально «разжёвывает», нет-нет да и выскочит «контраргумент»: «А командиры разновозрастных отрядов разве не диктаторы? Старшие командуют, а младшие только подчиняются — разве не диктатура?!»

В принципе на этот контраргумент можно ответить просто: «Хорошо, пусть будет по-вашему: командовать будут первоклассники, а десятиклассники будут подчиняться. И в Совете командиров, в «Правительстве» тоже пусть работают первоклассники и управляют коллективом школы. И что мы тогда получим? По-моему, и отвечать не нужно».

Но дело не только в этом. Дело в том, что только разновозрастный состав отряда предоставляет *каждому* ребёнку возможность «порулить»: поупражняться в организаторских навыках и в ответственности за чрезвычайно важную, «взрослую» работу, за *собственно воспитание* в первичном коллективе, где он сам вырос. Только здесь, в разновозрастном от-

ряде, каждый малец знает, что наступит день и ему тоже вручат перед строем заветные регалии командира отряда. Он годами готовится к тому, чтобы стать *легендарным* командиром, как те, имена которых произносятся с придыханием и передаются от поколения к поколению. Что он тоже будет возиться с отрядом, получать за свою работу «втыки» от самого «Антоня», быть его правой рукой в Совете командиров, помогать ему в *собственно воспитании* (тут центральная фигура — только директор школы). Будет требовать, но тут же и подчиняться (не только секретарю Совета командиров, не только дежурному командиру или заведующему, но кое-кому ещё — сейчас узнаете, кому именно), будет содрогаться при мысли об «импичменте», потому что первичный коллектив имеет право в любой момент войти в Общее собрание и открыто сказать: «Наш командир руководить не умеет. Он грубиян, склочник и трус. Просим сместить, а назначить Сидорова». Сравните с классом, где пусть и формально, но в «лидерах» все десять лет ходит один и тот же «отличник учёбы».

Но не в угоду левацким, «гуманным» демагогам, а исключительно для пользы дела Макаренко и для младших придумал возможность «показать зубы» не только старшим коммунарам, но и педагогам, включая заведующего. В цикле лекций «Проблемы школьного советского воспитания» Антон Семёнович рассказывает о традициях в своём коллективе, в том числе и об этой: «Вот тоже традиция и тоже очень смешная. Дежурный член санкома каждый день дежурит, носит красный крест на руке и имеет большие права, права *диктатора*, он может любому из комсомольцев или членов коллектива предложить встать из-за стола и пойти помыть руки, и тот должен подчиниться; он может зайти в любую квартиру инженера, сотрудника, педагога, доложить на общем собрании, что в квартире такого-то педагога грязь. Причём постановили — никогда не разбираться, какая грязь: у того вода налита, у того пыль на подоконнике, у того пыль на спинке стула...

И вот по традиции этот «диктатор» — я даже не помню, откуда это взялось — выбирался обязательно из девочек, обязательно девочка, обязательно *младшая* и обязательно чистюлька. И эти самые ДЧСК были варварами, житья от них не было, от такой двенадцатилетней девочки не было покоя в течение дня никому — и за обедом, и на работе, и в спальне, и везде...

И она пишет в рапорте, что в 15-й спальне грязь. И ничего нельзя сказать, потому что это правда. А эта Нина — ребёнок, она говорит: «Ты вот причёсывался, волосы у тебя летели, так что я должна тебя прикрывать?»

Отчитывается такой ребёнок, взрослые парни смотрят на неё. Она говорит, что было столько-то обходов квартир, столько-то сообщений и т.д. «Хорошая работа?» — «Хорошая». И опять её выбирают, забыв, что сами от неё страдали»²⁹.

²⁹ Там же. Т. 5. С. 127–129.

Не забыли пародию? В первом классе ходит по рядам тоже «ДЧСК» и требует показать ладонки. А из-за учительского стола ведут наблюдение неморгающие совиные глаза «Марьянны»...

В 1930 году Макаренко в один день уволил *всех* штатных воспитателей: «Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их *самоуправление*, что они могли уже в дальнейшем *сами* вести коммуны»³⁰.

³⁰ Там же. Т. 2. М., 1957. С. 413.

А теперь представим, какими *организаторами* (это кроме всего прочего!) приходили на производство, в вуз и куда угодно *все до единого* выпускники коммуны! Как они разбирались в характерах людей, как освоили искусство строить человеческие отношения без конфликтов, склок, зависти, наушничества, сплетен, оговоров и тому подобных неизбежных спутников «коммунистического социума», в змеином сплетении которых, прохиндей-начальник и чиновник-бездарь, ворюга и взяточник чувствуют себя как рыба в воде. Вот что такое *собственно воспитание*, вместо которого академики АПН–РАО и молодцы из Минобрза внедрили в нашу школу «*воспитывающее обучение*»! Даже злость жалко расходовать на

этих «инноваторов»...